

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

EX PLURIBUS UNUM: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК СИНТЕЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С.Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2-А, Краснодар, Россия, 350072

Рассматриваются содержание и особенности российского дисциплинарного ответвления антропологической лингвистики — лингвокультурной концептологии, а также ее базового термина — лингвокультурного концепта. Устанавливается, что лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, главным из которых является присутствие в его семантике нескольких качественно отличных составляющих, в которых отражается междисциплинарный характер использующей его дисциплины.

О состоятельности российской лингвокультурной концептологии как научной дисциплины свидетельствует факт обладания своей собственной терминологической системой, включающей как общепрофессиональные, так и узкопрофессиональные терминологические единицы. При всей целостности эта терминосистема имеет свои слабые места, превращающие ее в объект критики. Помимо конструктивной критики, лингвокультурная концептология сталкивается с идеологически мотивированной критикой, отрицающей ее аксиоматику: само существование этноспецифичности языка и культуры.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, лингвокультурная концептология, лингвокультурный концепт, терминологическая система, язык, культура, этноспецифичность

1. ВВЕДЕНИЕ

Представления об ориентации знаков языка на носителя речи появились не вдруг, не сегодня и не на пустом месте: с известной долей натяжки и огрубления уже в античных теориях происхождения языка можно увидеть противопоставление антропологической и структурной лингвистических парадигм, когда возникновение языка «по договоренности» («тесей») предполагает ограничение последнего структурно-системными рамками, в то время как возникновение «по природе» («фюсей») предполагает связь языка с его «носителем» как частью той же природы.

Можно предполагать, что взгляды на язык как на сущностную характеристику *homo sapiens* в «эмбриональном виде» присутствовали в лингвистической теории

всегда, так же, как, впрочем, и представления о языке как системе «чистых противопоставлений» — вещи в себе и для себя, а лингвистическая мысль постоянно совершает челночные движения между доминантными точками структурной и антропологической парадигм. Эти движения вполне укладываются в две основные модели: маятника и спирали, и каждый шаг сопровождается «приращением смысла»: расширением эвристической базы соответствующей теории. Вместе с тем в наши дни всплеск интереса к антропологической лингвистике — это еще и реакция на экспансию политико-экономической глобализации в область культурно-языковых отношений и, тем самым это научное направление выполняет функции инструмента лингвокультурной экологии, в задачи которой входит сохранение много- и своеобразия национально-этнических языков и культур.

В истории лингвистики довольно четко прослеживаются пики интереса к одной или другой исследовательской парадигме: на смену В. фон Гумбольдту и гумбольдианству приходят Ф. де Соссюр и Л. Ельмслев, а с середины XX в. структурализм теснит антропологическая лингвистика в лице Э. Сепира (см.: [10. С. 64]).

2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

«Антропологический поворот» в науке о языке, начавшийся во второй половине прошлого века, отмечен выходом лингвистики за собственные границы в культуру, психологию, философию, логику и социологию. В контексте антропологической ориентации в начале 90-х гг. этого века в России возникло достаточно специфическое дисциплинарное направление лингвокультурной концептологии (см.: [12. С. 64—65]).

К числу непосредственных предшественников, внесших определяющий вклад в становление этого ответвления антропологической лингвистики, можно, прежде всего, причислить Анну Вежицкую, давшую первое определение лингвокультурного концепта и проанализировавшую «культуроспецифичные» концепты «дружба» и «свобода» (см.: [8. С. 203—499]), Н.Д. Арутюнову, проведшую лингвокультурологическое исследование концепта «истина/правда» и определившую лингвокультурные концепты как понятия жизненной философии и обыденные аналоги мировоззренческих терминов, закрепленные в лексике естественных языков (см.: [4. С. 3—6; 5. С. 617—631]), и Ю.С. Степанова, автора российского лингвоконцептологического словаря, впервые заговорившего о «многослойности» лингвокультурного концепта (см.: [30. С. 45—56]).

На фоне многочисленных лингвистических школ и направлений, учитывающих и исследующих связь языка с культурой в форме изучения тематических полей, семантических классов слов, установления зависимости языковых фактов и явлений от социальных и культурных факторов и т.п., лингвокультурная концептология выделяется своим комплексным и систематизированным подходом к предмету исследования и, может быть, в первую очередь — разработанностью своих исследовательских методик. Связь культурно маркированных операциональных единиц мысли со средствами их вербализации изучается здесь в един-

стве выделяемых разнокачественных составляющих — понятийной, образной и оценочной — при безусловном доминировании образной, на важность которой впервые обратил внимание В. фон Гумбольдт (см.: [16. С. 70]), а материал для исследования берется из всех возможных дискурсных областей.

Как корабль назовешь, так он и поплывет... «Внутренняя форма» российской разновидности антропологической лингвистики вполне прозрачна и не требует этимологизации: ее название задано именем ее базового термина — «лингвокультурного концепта», утвердившегося в таком качестве в ходе достаточно напряженной борьбы с такими конкурирующими именами, как «лингвокультура» [15. С. 44—56], «мифологема» [6. С. 130—134], «логоэпистема» [9. С. 70; 24. С. 32—65] и пр.

Лингвоконцептология — продолжение и развитие классической структурной и функциональной семантики (см.: [20. С. 93]), обогащенной данными многих смежных дисциплин: культурологии, когнитологии, социологии, истории и пр. Междисциплинарный характер этого ответвления антропологической лингвистики, объединившего предметные области нескольких достаточно разнородных научных направлений, вызвал к жизни потребность в новом понятии и новом термине, и, закономерно, такой термин появился: лингвокультурный концепт через свои составляющие «вобрал в себя» в «снятом виде» сущностные характеристики смежных дисциплин.

Как эвристическая категория — инструмент исследования — лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, в число которых входят (см. подробнее: [11. С. 14]) эмоциональная «переживаемость» (см.: [30. С. 41]); семиотическая («номинативная» — [19. С. 111]) плотность — представленность в плане выражения целым рядом языковых единиц и синонимизированных символов; ориентированность на план выражения — включенность имени концепта в ассоциативные связи, сложившиеся в лексической системе языка, и обладание специфической языковой метафорикой. И, пожалуй, главный отличительный признак лингвокультурного концепта — многомерность семантического состава, проявляющаяся в присутствии в его семантике нескольких качественно отличных составляющих (слоев, измерений, страт, секторов и пр.).

Уже акад. Ю.С. Степанов выделял в семантическом составе лингвокультурного концепта понятийное, собственно культурное, собственно языковое (этимология, внутренняя форма) содержание, пассивный (исторический) и активный (актуальный) слои (см.: [30. С. 41—53]). В настоящее время в лингвоконцептологии чаще всего упоминаются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие (см.: [12. С. 67—68]), причем более или менее согласованное единство мнений существует лишь в отношении двух из них — понятийной и образной.

Понятийная составляющая ЛК-концепта включает в себя все то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов, представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области. Образная составляющая лингвокультурного концепта

разделяется на перцептивную, отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания, метафорическую, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию и прецедентную, включающую закрепленные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт. Под ценностной составляющей лингвокультурного концепта понимается его культурная значимость, позволяющая трактовать особо важные для какой-либо культуры смыслы как «культурные доминанты» [19. С. 142]. И, наконец, значимостная составляющая (см.: [12. С. 68—69]), куда входят парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, а также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность, определяется местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка.

Лингвокультурный концепт, как представляется, выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования в аспектах которого — в его составляющих — отражаются предметные области наполняющих этот концепт основных дисциплин: понятийная составляющая отражает дискурсивность и рациональность представления смысла, идущие от логики, образная — метафоричность и эмоциональность этого представления, идущие от психологии, значимостная — его вербальность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка, ценностная — аксиологичность такого представления, идущую от философии.

Нужно отметить, что синтезная, объединительная сущность лингвокультурного концепта ощущается многими исследователями языка и культуры: это и его «синкретизм» и гиперонимичность по отношению к образу и понятию (см.: [23. С. 102, 122, 165—166]) — «диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака» (23. С. 51), и интегративность ценности, концепта и образа (см.: [24. С. 23, 29]).

Лингвокультурная концептология — раздел или даже некая ипостась лингвокультурологии как омонима антропологической лингвистики: если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры, представленные лингвокультурными концептами — конституирующими единицами этнического менталитета (см.: [22. С. 112]) и организующим началом дискурса, когда, например, политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», а религиозный — вокруг концептов «вера» и «Бог» (см.: [33. С. 69; 7. С. 100—106]).

Конечная, в достаточной степени утилитарная и отдаленная цель лингвоконцептологии состоит в разработке единой универсальной системы лингвоконцептов через изучение отдельных ментально-вербальных единиц и отдельных национальных концептосфер. В то же самое время у лингвоконцептологии есть и «сверхзадача», обусловленная ее междисциплинарным характером: установление структуры этнического менталитета носителей определенной лингвокультуры и его концептуального наполнения.

Возникнув на российской почве в начале 90-х гг. XX в., лингвоконцептология где-то за неполных полтора десятка лет достигла точки своего апогея: число пуб-

ликаций, содержащих в своем названии слово «концепт», увеличилось чуть ли не на порядок, были изучены не только отдельные конкретные концепты, но и теоретические основы этой дисциплины. К середине «нулевых» в ее развитии наметились кризисные проявления, которые были сняты в ходе смены вектора развития с экстенсивного на интенсивный (см.: [12. С. 69—70]). Предметная область лингвоконцептологии изменилась за счет заполнения разрыва между конкретными лингвоконцептами и национальной концептосферой за счет выделения укрупненных единиц, в границах которых можно было бы изучать как сами эти концепты, так и их семантические противочлены; были досконально исследованы отдельные особо значимые для лингвокультуры концепты уже в формате докторских диссертаций, были выделены новые типы и разновидности лингвокультурных концептов, продолжилось дробление и дифференциация основных составляющих лингвокультурного концепта и объектом изучения стали уже части частей концепта — составляющие составляющих.

Можно предполагать, что состоятельность и зрелость какого-либо научного направления диагностируются по нескольким признакам и определяются на основе нескольких критериев, как прямых, так и косвенных.

Здесь, помимо существования отдельных ученых-лингвоконцептологов и наличия сформировавшихся научных школ, объединяемых общностью понимания предмета исследования — лингвоконцептологические школы сложились в Волгограде, Воронеже, Иркутске, Кемерово, Краснодаре и других городах России и ближнего зарубежья. Эти научные школы, связи между участниками которых носят неформальный характер, образуют своего рода «незримый колледж» (Д.Д. де Сола Прайс), у которого, в свою очередь, есть свой неформальный «печатный орган» — продолжающаяся «Антология концептов» (см.: [2; 3]), первый том которой увидел свет в 2005 г., а восьмой — в 2011 г. (1 и 2 тома были также переизданы одной книгой в издательстве «Гнозис»).

В этом многотомном издании собраны на сегодняшний день около двух сотен работ лингвоконцептологической направленности и представлены концепты самых разнообразных типов и уровней. Представленные в ней работы — препарированные авторефераты диссертаций, кандидатских и докторских, из которых убрана «паспортная часть» и сокращена до минимума часть теоретическая — превращают «Антологию» в ценное справочное пособие, из которого можно узнать о том, что происходит в мире лингвоконцептологии: что и как там уже сделано и что еще можно сделать. Источником информации о лингвоконцептологии служит также и достаточно активно посещаемый сайт «Проблемы лингвоконцептологии» (<http://лингвоконцепт.пф>; <http://lincon.narod.ru>).

При всем разбросе мнений относительно широты предметной области лингвоконцептологии — в число лингвокультурных концептов включаются семантические объекты от матрешки, водки и мата до Бога, ангела и смысла жизни — лингвоконцептологи практически едины в понимании своего базового термина как многомерного и многопризнакового ментального образования, отмеченного этнокультурной спецификой и находящего выражение в языке (см.: [10. С. 70]), что, по сути, представляет собой перифразу определения концепта А.А. Вежбицкой

(«Объект из мира „Идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире „Действительность“» — см.: [32. С. 90]).

Еще одним косвенным признаком, подтверждающим зрелость какой-либо научной дисциплины, выступает появление учебных курсов и пособий (см.: [21; 28]) и ее выход в лингводидактику — применение ее результатов в практике обучения языку (см.: [26]). Здесь же можно указать на выход лингвоконцептологии в лексикографическую практику — появление словарей концептов (концептуариев) ([см.: 30; 29]) и осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода (см., например: [1]).

Прямым же непосредственным свидетельством состоятельности научного направления, однако, выступает наличие у него своей собственной терминологической системы (см.: [13. С. 16—18; 14. С. 59—62]), которая может быть представлена как теория в широком, логическом смысле — «совокупность высказываний, замкнутых относительно логического следования» [17. С. 860] — и в которой отражается предметная область этого научного направления.

Общеотраслевая терминология, представленная в названиях и вводных разделах диссертаций и монографий лингвокультурологической направленности, включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная) концептосфера», «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс».

Понятие «картины мира» как глобального образа мира, пришедшее в лингвистику из физики и философии в ходе «антропологического поворота» парадигмы гуманитарного знания, приняло вид «(этно)языковой картины мира» как совокупности знаний о мире в обыденном сознании, зафиксированных в единицах языка. Поскольку в языке фиксируется отнюдь не вся информация о мире, то языковая картина предметно беднее концептуальной, отличается от последней этнокультурной спецификой и консерватизмом.

Имя «концептосфера», обозначающее совокупность концептов вообще, образованное по аналогии с «ноосферой» и «биосферой» и введенное в научный обиход акад. Д.С. Лихачевым, получая расширение «национальная, этническая, лингвокультурная», обозначает уже совокупность концептов лингвокультурных, выделяемых из языковой картины мира.

В свою очередь на национальной концептосфере выделяются по какому-либо признаку более дробные сегменты, включающие группы концептов: «концептуальные области (поля)», хотя, нужно заметить, концептуальная метафора сферы («шара») в случае концептосферы последовательно не проводится, и «концептосфера» обозначает как раз семантическую область: концептосферы «война», «жизнь», «возраст» и пр.

Под языковой личностью в лингвокультурной концептологии понимается закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, включающий мировоззренческие установки,

ценностные приоритеты и поведенческие реакции, отраженные в словаре — личность словарная, этносемантическая (см.: [10. С. 66; 19. С. 22]), которая выступает субъектом языковой картины мира и национальной концептосферы.

Любая личность — индивидуальная или групповая — имеет собственные взгляды на мир и на свое место в нем, обладает собственным характером и присутствиями только ей стереотипами поведения, и все это, безусловно, отражается в ее языке. Под термином «языковой менталитет» понимается совокупность специфически национальных мировоззренческих, психологических и поведенческих установок языковой личности как усредненного представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего. Национальный менталитет, национальная ментальность и национальный характер — понятия соположенные и пересекающиеся и в лингвокультурологических исследованиях часто неразличающиеся.

Понятие дискурса как текста в единстве с экстралингвистическими условиями его реализации включено в терминосистему лингвоконцептологии через ее базовый термин — лингвокультурный концепт, выполняющий функцию организующего начала дискурса, когда политический дискурс организуется вокруг концептов «власть» и «политик», религиозный — вокруг концептов «вера» и «Бог» и пр.

Напрямую — через свою лексическую основу — в терминосистему лингвоконцептологии включено понятие концептуализации: процесса и результата «сотворения» концепта — структурирования знаний о мире. Соответственно, терминологическое наполнение этого понятия зависит от понимания концепта как *лингвокультурной* сущности: языковая концептуализация — это обогащение семантики определенного понятия признаками, заимствованными из семантики языковых показателей, лексикализирующих это понятие (см.: [18. С. 58—59]).

Узкоотраслевую, собственно дисциплинарную часть терминосистемы лингвоконцептологии образует прежде всего сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем его видовые номинации и номинации его составляющих.

Внутри этих родовых, дефиниционных границ по самым различным признакам выделяются разнообразные виды лингвокультурных концептов (см.: [12. С. 66—67]), как разноименные («культурная доминанта», «ключевая идея», «лингвокультурный типаж»), так и образованные путем адъективного расширения базового термина («телеономные, эмоциональные, иллюкативные, регулятивные, параметрические и пр. концепты»).

Выстраиваемый терминологический ряд открыт, его члены образуют довольно стройную, хотя и не жесткую систему, в которой они связаны отношениями включения, выводимости и смежности, где составляющие складываются в лингвокультурный концепт, который может выступать организующим началом дискурса и который сам входит в состав какой-либо концептуальной области, входящей в состав национальной концептосферы, выделяемой в свою очередь из языковой картины мира, в то время как языковая личность — носитель языкового менталитета — представляется субъектом языковой картины мира и националь-

ной концептосферы, а концептуализация — формой вербализации какого-либо понятийного содержания.

В своей массе единицы терминологического ряда лингвоконцептологии соответствуют большей части требований, предъявляемых к «идеальному термину», характеризуемому такими признаками, как лексическая и словообразовательная системность, наличие словарной пометы, тенденция к моносемичности в пределах своей терминологической области, стилистическая нейтральность, наличие дефиниции, отсутствие синонимии, точность, номинативность, независимость от контекста, куда можно было бы еще добавить отсутствие антонимии.

Так, например, базовый термин «лингвокультурный концепт», безусловно, отличается словообразовательной системностью («лингвоконцептология», «лингвоконцептологический анализ» и пр.), однако о наличии словарных помет говорить не приходится, поскольку в толковых словарях он отсутствует. Он стремится, насколько это у него получается, к однозначности и стилистически нейтрален в границах научного дискурса, у него имеется дефиниция. Он номинативен в том смысле, что отправляет к реалии исследовательского аппарата определенной научной области, а вот что касается точности, независимости от контекста и отсутствия синонимии, то здесь можно заметить, что его точность, в принципе, ограничивается контекстом теории, создаваемой определенной «школой» лингвоконцептологии либо отдельным исследователем, а наличие синонимов напрямую зависит от понимания его сущности последователями этих «школ».

Вместе с тем, в общем и целом, на фоне терминосистем естественных наук терминосистему лингвоконцептологии отличает определенная аморфность и «размытость» определений терминов, присутствие в ней синонимии, что свидетельствует, очевидно, как о «гуманитарной» ориентации этого научного направления, так и о динамизме его развития.

Вместе с тем при всей своей целостности терминосистема лингвокультурной концептологии остается открытой: она не анкилозировалась — не утратила гибкости и способности к саморазвитию.

Естественно, у нее имеются свои «болевые точки» и слабые места, превращающие ее в объект конструктивной и неконструктивной критики. Так, например, «врожденным пороком» лингвокультурной концептологии является идиоэтничность ее базового термина: имя «концепт» представляет собой своего рода скрытую семантическую кальку «понятия» и при попытке передачи на языки, в лексической системе которых присутствует соответствующий производящий латинский этимон (*conceptus/um*) оно утрачивает свою терминологическую «значимость», основанную на с таким трудом созданной противопоставленности «понятию», и требует описательного перевода. Кроме того, в практике сопоставительных лингвоконцептологических исследований не решена до конца проблема «тождества концепта»: являются ли смыслы, обладающие различным «телесным воплощением» в различных языках отдельными семантическими сущностями или же они представляют собой ипостасные реализации какого-то единого глубинного смысла? Опять же вполне конструктивным моментом критики лингвокультуроло-

логических исследований представляется указанием на такую «болеую точку» как отсутствие четкого критерия выделения базовых, «ключевых» лингвоконцептов, в число которых включаются и массовидность стереотипов при разноуровневости средств их выражения, и распространенность в лексической системе определенных презумпций (см.: [34. С. 26]) и пр. Здесь же стоит, очевидно, и неопределенность понимания культуры, которой обусловлена национальная специфика лингвокультурного концепта: берется ли здесь вся культура целиком, материальная и духовная, в противостоянии природе, либо только культура духовная (см.: [31. С. 143]).

К числу «побочных продуктов» лингвоконцептологического анализа можно отнести парадокс, возникающий при конституировании таких концептов, как, например, «ангел» и «дьявол», когда статус концепта приписывается его метафорически-образному воплощению: «ангел» и «дьявол» являются символами основных понятий бытия — «добра» и «зла», и это, по сути, означает, что в представлениях об ангеле персонифицируется, т.е. метафоризируется, концепт добра, а в представлениях о дьяволе — концепт зла. Здесь, по сути, происходит то же самое, что и в случае «концептов» черемухи, березы и прочих русских прагмонимов, символизирующих концепт России, но не являющихся отдельными концептами.

Нужно заметить, что лингвоконцептология стала в одночасье «модной наукой», у которой появилось множество последователей, что вполне предсказуемо привело к появлению изрядного числа низкокачественных и недобросовестных работ номинально лингвоконцептологической направленности, тем более что к этому располагает кажущаяся простота «лингвоконцептологического» подхода: бери любое слово, называй его «лингвокультурным концептом», и готово. Однако это отнюдь не так: лингвоконцептологическое исследование невозможно без обращения к опросу информантов, без использования данных корпусной лингвистики, без глубокого семантического анализа, в том числе и компонентного, без обращения к теории дискурса.

Совершенно естественно, подобный «лингвоконцептуализм без берегов» вызывает раздражение экспертного сообщества и предубеждение против лингвоконцептологии в целом, хотя невозможно винить «раскрученность» какого-либо брэнда в обилии подделок под него.

Помимо конструктивной критики, направленной на исправление недочетов и ошибок, лингвоконцептология сегодня сталкивается с идеологически мотивированной критикой «непримиримой оппозиции», отрицающей аксиоматику лингвокультурологии: этноса/нации, народа как объективной данности не существует, соответственно, объективно не существует национального самосознания, национальной идентичности, национальной специфики, национального характера и менталитета и, конечно, лингвокультурного концепта как составляющей последнего. Методологические установки лингвоконцептологии отождествляются с «сильным» вариантом гипотезы лингвистической относительности, полностью растворяющим язык в мышлении, российскую лингвокультурологию обвиняют в «пособничестве» лингвонарциссизму (см.: [27. С. 139—142]), выражающемуся в любовании родным языком и всяческом его восхвалении, в частных беседах

ее называют даже «лингвистическим фашизмом», продолжая, очевидно, заочную полемику с неогумбольдианством в лице Лео Вайсгербера. При этом, однако, забывается о том, что лингвоконцептология основывается, скорее, на «слабом» варианте гипотезы Сепира-Уорфа: каким-то образом взаимосвязаны язык и культура, но не язык и мышление в целом.

Позиция подобных «гонителей» лингвоконцептологии находит свое объяснение в установке Евросоюза и глобализма в целом на нивелирование сознания и «гомогенизацию» культурно-языкового «раствора» подобно созданию однородности в экономическом пространстве.

Можно также отметить, что под давлением критики лингвокультурная концептология превращается в лингвокультурную «криптоконцептологию», когда ее базовый термин («лингвокультурный концепт») «умалчивается» либо заменяется на какой-либо другой, близкий по смыслу термин («семантическая константа», «семантическое единство» и пр.), в то время как наработанная ею исследовательская методика сохраняется в полном объеме.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Антропологический поворот» в науке о языке отмечен выходом лингвистики за собственные границы в культуру, психологию, философию, логику, социологию и возникновением в России специфического дисциплинарного направления — лингвокультурной концептологии, представляющей собой продолжение и развитие структурной и функциональной семантики, обогащенной данными смежных дисциплин. Междисциплинарный характер этого ответвления антропологической лингвистики, объединившего предметные области нескольких достаточно разнородных научных направлений, вызвал к жизни потребность в новом понятии и новом термине, который и появился: лингвокультурный концепт через свои составляющие «вобрал в себя» в «снятом виде» сущностные характеристики смежных дисциплин.

Лингвокультурный концепт обладает набором отличительных признаков, главным из которых является многомерность семантического состава: присутствие в его семантике нескольких качественно отличных составляющих. Лингвокультурный концепт выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования, в составляющих которого отражаются предметные области наполняющих этот концепт основных дисциплин.

Состоятельность и зрелость какого-либо научного направления диагностируются по нескольким косвенным признакам: наличию сформировавшихся научных школ, объединяемых общностью понимания предмета исследования и базового термина, выходу в лингводидактику, в лексикографическую практику и в практику перевода. Прямым же свидетельством состоятельности научного направления выступает обладание своей собственной терминологической системой.

Общотраслевая терминология лингвокультурной концептологии включает такие единицы, как «(языковая, концептуальная, когнитивная) картина (образ, модель) мира», «область (поле)», «(национальная, этническая, лингвокультурная)

концептосфера), «языковая (словарная, этносемантическая) личность», «(национальный, этнический) менталитет (ментальность, характер)», «дискурс». Узкоотраслевую часть этой терминосистемы образует прежде всего сам лингвокультурный концепт и его терминологические аналоги, а затем его видовые номинации и номинации его составляющих.

При всей своей целостности терминосистема лингвокультурной концептологии остается открытой, хотя она имеет свои слабые места, превращающие ее в объект критики. Помимо конструктивной критики, направленной на исправление недочетов и ошибок, лингвоконцептология сегодня сталкивается с идеологически мотивированной критикой, отрицающей ее аксиоматику: существование этноспецифичности языка и культуры.

© Дата поступления: 07.01.2016
Дата принятия в печать: 01.03.2016

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Александрович Н.В. Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
- [2] Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1—8. Волгоград: Парадигма, 2005—2011.
- [3] Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
- [4] Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3—7.
- [5] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- [6] Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре // RES LINGUISTICA. Сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. М.: Academia, 2000. С. 130—147.
- [7] Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007.
- [8] Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
- [9] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1999.
- [10] Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
- [11] Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: Становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13—22.
- [12] Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64—74.
- [13] Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. Вып. 3(49). С. 12—20.
- [14] Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 12. Воронеж, 2014. С. 50—69.
- [15] Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: РУДН, 1997.
- [16] Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков

в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Госучпедиздат Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 68—86.

- [17] Ивин А.А. *Философия: энциклопедический словарь*. М.: Гардарики, 2004.
- [18] Исаева Л.А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация» и «прецедентизация» // *Культурная жизнь Юга России*. Краснодар, 2012. № 2. С. 58—60.
- [19] Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис, 2004.
- [20] Карасик В.И. *Языковая матрица культуры*. М.: Гнозис, 2013.
- [21] Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. *Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу*. Волгоград: Перемена, 2014.
- [22] Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999.
- [23] Колесов В.В. *Философия русского слова*. СПб.: ЮНА, 2002.
- [24] Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. *Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века*. СПб.: Златоуст, 2001.
- [25] Маслова В.А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ? // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 3. С. 23–31.
- [26] Мишатина Н.Л. *Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход*. СПб.: Наука: САГА, 2009.
- [27] *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. СПб.: Антология, 2013.
- [28] Пименова М.В., Кондратьева О.Н. *Введение в концептуальные исследования: учебное пособие*. Кемерово: КемГУ, 2009.
- [29] *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый* / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004.
- [30] Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. М.: Языки русской культуры, 1997.
- [31] Стернин И.А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии // *Человек. Язык. Культура*. Ч. 1. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. С. 138—149.
- [32] Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // *Язык и наука конца 20 века*. М.: РГГУ, 1995. С. 74—117.
- [33] Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 2004.
- [34] Шмелев А.Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2011. Вып. 4(38). С. 21—33.

EX PLURIBUS UNUM: LINGUOCULTURAL CONCEPT AS AN INTEGRAL ENTITY

S.G. Vorkachev

Kuban State Technological University
Moskovskaja st., 2, building A, Krasnodar, Russia, 350072

Content and peculiarities of the Russian branch of anthropological linguistics — linguocultural conceptology — as well as its basic term — linguocultural concept — are studied. It is established that linguocultural concept possesses a set of differential features most important of which is the presence of various different components reflecting the interdisciplinary character of this discipline in its semantics.

Disciplinary status of the Russian linguocultural conceptology is proved by the fact of possessing its own terminological system which includes both general linguistics terms and special terms. Being rather integral this system has its weak points turning it into an object of criticism. Apart from the constructive criticism linguocultural conceptology is confronted with ideologically motivated criticism which denies its basic axiom: the existence of the language and culture ethnospecificity.

Key words: anthropological linguistics, linguocultural conceptology, linguocultural concept, terminological system, language, culture, ethnospecificity.

REFERENCES

- [1] Aleksandrovich N.V. *Konceptosfera hudozhestvennogo proizvedeniya v originale i perevode (na materiale romana F.S. Ficdzheral'da «Velikij Gehtsbi»): avtoref. dis.... kand. filol. nauk.* Volgograd, 2010.
- [2] *Antologiya konceptov.* Ed. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Vol. 1—8. Volgograd: Paradigma, 2005—2011.
- [3] *Antologiya konceptov.* Ed. V.I. Karasika, I.A. Sternina. M.: Gnozis, 2007.
- [4] Arutyunova N.D. *Vvedenie // Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya.* M.: Nauka, 1993. P. 3—7.
- [5] Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka.* M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
- [6] Bazylev V.N. *Mifologema skuki v russkoj kul'ture. RES LINGUISTICA. Sbornik statej. K 60-letiyu professora V.P. Neroznaka.* M.: Academia, 2000. P. 130—147.
- [7] Bobyreva E.V. *Religioznyj disurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya).* Volgograd: Peremena, 2007.
- [8] Vezhbickaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov.* M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
- [9] Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *V poiskah novyh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya reche-povedencheskih taktik.* M.: Institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 1999.
- [10] Vorkachev S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v yazykoznanii. Filologicheskie nauki.* 2001. No. 1. P. 64—72.
- [11] Vorkachev S.G. *Lingvokul'turnaya konceptologiya: stanovlenie i perspektivy. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2007. Vol. 66. No. 2. P. 13—22.
- [12] Vorkachev S.G. *Rossijskaya lingvokul'turnaya konceptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2011. Vol. 70. No. 5. P. 64—74.
- [13] Vorkachev S.G. *Lingvokul'turnaya konceptologiya i eyo terminosistema (prodolzhenie diskussii). Politicheskaya lingvistika.* Ekaterinburg, 2014. Vyp. 3(49). P. 12—20.
- [14] Vorkachev S.G. *Semiotika lingvokul'turnogo koncepta i terminosistema lingvokul'turnoj konceptologii. Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda.* Voronezh, 2014. Vyp. 12. P. 50—69.
- [15] Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody).* M.: RUDN, 1997.
- [16] Gumboldt V. fon. *O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyanii na duhovnoye razvitiye chelovecheskogo roda. Zvegincev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah.* Ch. 1. M.: Gosuchpedizdat Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1960. P. 68—86.
- [17] Ivin A.A. *Filosofiya: ehnciklopedicheskij slovar'.* M.: Gardariki, 2004.
- [18] Isaeva L.A. *O sootnoshenii ponyatij «konceptualizaciya», «stereotipizaciya» i «precedentizaciya».* *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii.* Krasnodar, 2012. No. 2. P. 58—60.
- [19] Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs.* M.: Gnozis, 2004.
- [20] Karasik V.I. *Yazykovaya matrica kul'tury.* M.: Gnozis, 2013.
- [21] Karasik V.I., Krasavskij N.A., Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnaya konceptologiya: uchebnoye posobie k speckursu.* Volgograd: Peremena, 2014.
- [22] Kolesov V.V. *«Zhizn' proiskhodit ot slova...».* SPb.: Zlatoust, 1999.

- [23] Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova*. SPb.: YUNA, 2002.
- [24] Kostomarov V.G., Burvikova N.D. *Starye mekhi i molodoe vino. Iz nablyudenij nad russkim slovoupotrebleniem konca 20 veka*. SPb.: Zlatoust, 2001.
- [25] Maslova V.A. *Strannik v russkoj lingvokul'ture: cennost', koncept, obraz?* *Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika*. 2015. No. 3. P. 23—31.
- [26] Mishatina N.L. *Metodika i tekhnologiya rechevogo razvitiya shkol'nikov: lingvokonceptocentricheskij podhod*. SPb.: Nauka: SAGA, 2009.
- [27] *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kul'turologiya v poiskah «ehtnicheskoj mental'nosti»*. SPb.: Antologiya, 2013.
- [28] Pimenova M.V., Kondrat'eva O.N. *Vvedenie v konceptual'nye issledovaniya: uchebnoe posobie*. Kemerovo: KemGU, 2009.
- [29] Brileva I.S., Vol'skaya N.P., Gudkov D.B., Zaharenko I.V., Krasnyh V.V. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turolo-gicheskij slovar': Vyp. pervyj*. M.: Gnozis, 2004.
- [30] Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya*. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997.
- [31] Stermin I.A. *O nekotoryh diskussionnyh problemah lingvokul'turologii. Chelovek. Yazyk. Kul'tura*. Ch. 1. Kiev: Izdatel'skij dom D. Burago, 2013. P. 138—149.
- [32] Frumkina R.M. *Est' li u sovremennoj lingvistiki svoya ehpistemologiya?* *Yazyk i nauka konca 20 veka*. M.: RGGU, 1995. P. 74—117.
- [33] Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. M.: Gnozis, 2004.
- [34] Shmelev A.D. *Vsegda li nauchnoe izuchenie russkogo yazyka yavlyaetsya proyavleniem «lingvonarcissizma»?* *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg, 2011. Vyp. 4(38). P. 21—33.